
Вопросы международного права и сравнительного правоведения

Научная статья

Научная специальность

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки»

УДК 34.03

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2025.4.147>

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКСТРЕМИЗМ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ШОС

© Ардашев Р. Г.^{1,2}, Тирских М. Г.², Шамурзаев Т. Т.³, 2025

¹ Восточно-Сибирский институт МВД Российской Федерации, г. Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

³ Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации

Б. Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызстан

Рассматривается развитие уголовного законодательства стран – членов ШОС в части уголовной ответственности за действия экстремистской направленности в контексте имплементации норм международных договоров ШОС о противодействии экстремизму. На основании анализа международно-правовых документов ШОС отмечается комплексное регулирование общественных отношений в области противодействия экстремизму в ШОС, а также наличие потенциала для импликации и имплементации международно-правовых норм (как в специально-терминологическом, так и в формально-юридическом аспекте). В процессе сравнительно-правового анализа развития уголовного законодательства государств – членов ШОС выявлено сонаправленное, но разноскоростное развитие института уголовной ответственности за действия экстремистской направленности в странах ШОС. Подчеркивается, что все без исключения государства – члены ШОС привели либо приводят свое законодательство в области уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности в соответствие с положениями документов ШОС. Сделан вывод о наличии потенциала для дальнейшего совершенствования как международно-правового, так и внутринационального регулирования отношений в области противодействия экстремизму.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, экстремизм, экстремистская организация, пропаганда экстремизма, финансирование экстремизма.

COMPARATIVE LEGAL ASPECTS OF CRIMINAL LIABILITY FOR EXTREMISM IN SCO MEMBER STATES

© Ardashev R. G.^{1,2}, Tirsikh M. G.², Shamurzaev T. T.³, 2025

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

³ Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan

This article examines the development of criminal legislation in SCO member states regarding criminal liability for extremist acts in the context of the implementation of the provisions of the SCO international treaties on countering extremism. Based on an analysis of SCO international legal documents, the comprehensive regulation of public relations in the field of countering extremism in the SCO is noted, as well as the potential for the implication and implementation of international legal norms (both in specific terminology and in formal legal terms). A comparative legal analysis of the development of criminal legislation in SCO member states reveals a consistent, but different-speed, development of the institution of criminal liability for extremist acts in SCO countries. All SCO member states, without exception, have brought or are bringing their legislation on criminal liability for extremist crimes into line with the provisions of SCO documents. Furthermore, the potential for further improvement of both international legal and domestic regulation of relations in the field of countering extremism is noted.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, extremism, extremist organization, propaganda of extremism, financing of extremism.

Вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности являются в настоящее время значимой проблемой современного уголовного права. Косвенным подтверждением этого является пристальное внимание, которое уделяется данной проблематике в научной литературе как в рамках уголовно-правового, криминологического и криминалистического анализа [3; 5 и др.], так и в сравнительно-правовом аспекте¹ [2; 6; 11 и др.]. При этом сравнительно-правовой аспект исследования требует применения специальной методологии, связанной с использованием как компаративистского метода изучения рассматриваемых явлений, так и более специализированной методологии, включая методы сравнительно-правовой систематизации и метод функционального сравнительно-правового исследования [1, с. 7–9].

Следует отметить, что в условиях современного глобального информационного пространства экстремизм, как и ряд других преступных деяний, приобрел транснациональный и международный характер. Экстремистские сообщества, особенно имеющие религиозную окраску, созданные на территории того или иного государства, стремятся к расширению сферы своего присутствия в том числе и на территории других стран. В таком случае очевидно, что противодействие экстремизму является проблематикой, становящейся предметом международного правового взаимодействия государств как на двухсторонней основе, так и в рамках международных организаций.

Международно-правовые аспекты регулирования сотрудничества государств в области противодействия экстремизму

Одной из международных организаций, к вопросам ведения которой относится международное сотрудничество в области противодействия экстремизму, является Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС). Стоит отметить, что большинство исследователей высоко оценивают вклад ШОС в противодействие экстремизму на постсоветском пространстве [4; 8; 9].

Базовый уставной документ данной международной организации – Хартия ШОС² в чис-

ле целей и задач ШОС определяет «совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях...» [10, с. 45]. Значимость данной цели отмечается многими исследователями, поскольку борьба с этими вызовами остается приоритетной и сегодня, несмотря на постепенный рост важности экономической составляющей в деятельности организации [4; 7].

Данная цель нашла свое воплощение в иных документах, принимаемых ШОС. В 2001 г. была принята Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (далее – Шанхайская конвенция), установившая термин «экстремизм», под которым понимается «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них»³, а также предусматривающая обязательное установление уголовной ответственности за деяния экстремистской направленности.

Принятие Шанхайской конвенции открыло дорогу комплексному взаимодействию стран – членов ШОС по борьбе с экстремизмом и дало возможность принять ряд двусторонних и многосторонних договоров стран – членов ШОС по противодействию экстремизму и терроризму, в том числе Договор между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности Сторон (Ташкент, 21 апреля 2000 г.), Соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, политическим, религиозным и иным экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (Худженд, 26 мая 1999 г.), Соглашение между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Пекин, 23 декабря 2002 г.), Соглашение между Кыргы-

¹ Конвенция ШОС по противодействию экстремизму // Собр. законодательства РФ. 2019. № 47. Ст. 6560.

² Хартия Шанхайской организации сотрудничества : Санкт-Петербург, 7 июня 2002 г. : (с изменениями от 15 июня 2006 г.) // Бюллетень международных договоров. № 1. 2007. С. 8–17.

³ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405/> (дата обращения: 17.08.2025)

зской Республикой и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Пекин, 11 декабря 2002 г.), Соглашение между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Душанбе, 2 сентября 2003 г.), Соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Ташкент, 4 сентября 2003 г.). Таким образом, очевидно, что Шанхайская конвенция стала базовым документом, положившим начало комплексному развитию сотрудничества между государствами по противодействию экстремизму, который не только стал одним из основополагающих направлений работы ШОС как международной организации, но и внес существенный вклад в развитие законодательства стран – членов ШОС.

В 2017 г. была принята Конвенция ШОС по противодействию экстремизму (далее – Конвенция ШОС). Даная конвенция среди прочих вопросов устанавливает, что «Стороны с учетом основополагающих принципов своих правовых систем принимают необходимые законодательные меры для того, чтобы установить гражданско-правовую, административную либо уголовную ответственность за совершение следующих действий: экстремистский акт; какое-либо действие, признаваемое как преступление в одном из международных договоров в области противодействия экстремизму, участниками которых являются все Стороны; финансирование экстремизма; вербовка или иные способы привлечения лиц для участия в подготовке либо совершении экстремистских актов, обучение лиц в целях совершения экстремистских актов, подстрекательство, организация, планирование, пособничество совершению экстремистских актов; выезд и (или) планирование, подстрекательство, подготовка других лиц к выезду за рубеж с целью совершения действий, охватываемых Конвенцией; изготовление, распространение, демонстрация символики, знаков, флагов, эмблем и атрибутики в целях пропаганды экстремизма; невыполнение лицом, предоставившим услуги по доступу к информационно-телекоммуникационным сетям, в том числе к сети Интернет, требования уполномоченного Стороной органа об ограничении доступа к экстремистским материалам; организация и (или) участие в массовых беспорядках по мотивам по-

литической, социальной, расовой, национальной и религиозной вражды или розни». Также отмечается, что стороны могут в соответствии со своим национальным законодательством признавать в качестве уголовно наказуемого действия соучастие, приготовление и покушение на совершение какого-либо преступления, предусмотренного п. 1 ст. 9 данной Конвенции. Такая формулировка требует от государств – членов ШОС фактически обязательного проведения имплементации норм о противодействии данным действиям в национальное, в том числе уголовное законодательство.

В целом можно констатировать факт комплексного международно-правового регулирования вопросов международного сотрудничества в сфере противодействия действиям экстремистской направленности в рамках ШОС, поступательного развития институтов сотрудничества, а также наличие потенциала для импликации и имплементации международно-правовых норм (как в специально-терминологическом, так и в формально-юридическом аспекте).

Сравнительные аспекты развития института ответственности за действия экстремистской направленности в уголовном законодательстве государств – членов ШОС

Анализ уголовного законодательства государств – членов ШОС показывает сонаправленную, но разнокоростную активность стран в части имплементации положений Конвенции ШОС в национальное уголовное законодательство, а также разность подходов к определению экстремистских действий как уголовно наказуемых.

Изучение динамики изменений уголовных законов стран ШОС показывает, что можно выделить три группы стран по критериям имплементации норм Конвенции ШОС в уголовное законодательство стран – членов ШОС.

К первой группе следует отнести Российскую Федерацию и Китайскую Народную Республику, в которых расширение перечня уголовных составов в сфере экстремизма было осуществлено до момента принятия Конвенции ШОС по противодействию экстремизму. Так, в Уголовном кодексе РФ еще в 2014–2016 гг. (в период подготовки Конвенции ШОС) появился ряд новых составов, устанавливающих уголовную ответственность за деятельность экстремистской направленности. В частности, в 2014 г. в

ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» была включена ч. 1.1, устанавливающая ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества, введена ч. 3 ст. 282.2, устанавливающая ответственность за организацию деятельности экстремистской организации с использованием должностного положения, а также введена ст. 282.3, криминализующая финансирование экстремистской деятельности, в том числе предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации. Важно отметить, что положения, касающиеся противодействия финансированию экстремистской деятельности, стали одним из основных обязательств государств в части развития законодательства о противодействии экстремизму (п. 3 ч. 1 ст. 9 Конвенции ШОС).

При этом еще одно направление противодействия экстремизму, определенное в п. 6 ч. 1 ст. 9 Конвенции ШОС (установление мер по противодействию изготовлению, распространению, демонстрации символики, знаков, флагов, эмблем и атрибутики в целях пропаганды экстремизма), было подкреплено появлением состава преступления ст. 282.3 УК РФ лишь в 2022 г., установившей ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами. В этом контексте можно говорить о том, что нормы УК РФ стали продолжением дальнейшего развития правового регулирования, учитывая, что административная ответственность за составы, связанные с распространением агитационной продукции и материалов экстремистской направленности, была включена в КоАП РФ в 2014 г. (новая редакция ст. 203 КоАП РФ) и в 2017 г. (ст. 13.37 КоАП РФ)¹, т. е. в период разработки и принятия Конвенции ШОС, но до ее ратификации Россией в 2019 г.

В законодательстве Китайской Народной Республики уголовная ответственность за ряд

составов экстремистской направленности была введена в 2015 г., в том числе преступления, установленные ст. 120-3 УК КНР «Пропаганда терроризма, экстремизма и побуждение к осуществлению террористической деятельности», ст. 120-4 УК КНР «Использование экстремизма в нарушение исполнения закона» (установившей ответственность за побуждение и принуждение общества к нарушению утвержденных государством правил брака, юстиции, образования и общественного управления путем экстремистских заявлений и действий), ст. 120-5 УК КНР «Принуждение к ношению пропагандирующих терроризм, экстремизм одежды или знаков», ст. 120-6 «Незаконное хранение пропагандирующих терроризм и экстремизм предметов»². Таким образом, в уголовном праве России и КНР еще до принятия Конвенции ШОС наблюдалась реализация уголовной политики, направленной на криминализацию деяний экстремистской направленности, соотносимых с отдельными положениями Конвенции ШОС. Это дает основание предполагать, что именно деятельность России и Китая стала основной направляющей силой развития международного сотрудничества по противодействию экстремизму в рамках ШОС.

Второй группой государств можно считать страны – члены ШОС, которые реализовали обязательства по Шанхайской конвенции и Конвенции ШОС в порядке имплементации норм международных договоров в национальное законодательство. К таким, в частности, можно отнести Республику Кыргызстан, Уголовным кодексом которой предусматривается ответственность за такие деяния, как создание и финансирование экстремистской организации (ст. 331 УК РК), изготовление, распространение экстремистских материалов (ст. 332 УК РК), хранение экстремистских материалов (ст. 332-1 НК РК).

Данные нормы были введены лишь в 2021 г., т. е. в контексте исполнения обязательств Республики Кыргызстан в рамках международного сотрудничества в ШОС. При этом и терминологический и комплексно-регулятивный подход в УК Республики Кыргызстан не отличается от общего направления противодействия экстремизму в соответствии с документами ШОС. Аналогично осуществлялось развитие

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

² Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. 2016. URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11614090.htm (дата обращения: 26.08.2025).

уголовного законодательства других среднеазиатских республик, а также Казахстана.

Очевидная необходимость совместной деятельности по противодействию экстремизму, отмечавшаяся в документах ШОС, стала основополагающим фактором для осуществления постепенного достижения единообразия уголовно-правового регулирования как в контексте соответствия терминологии, так и уголовно-правовой идеологии вновь принимаемых норм уголовных законов стран ШОС. Полагаем, что данный процесс будет продолжаться в контексте дальнейшего укрепления международного сотрудничества государств – членов ШОС в антиэкстремистской деятельности.

Наконец, к третьей группе государств следует отнести те, которые стали членами ШОС впоследствии в рамках процедуры присоединения к данной международной организации. К настоящему времени к числу таких стран следует отнести Индию, Пакистан и Иран, развитие уголовного законодательства которых в части противодействия экстремизму в контексте принятых на себя обязательств в соответствии с договорами ШОС носит догоняющий характер. Так, в Индии отдельные изменения в контексте требований норм документов ШОС были внесены в Уголовный кодекс Индии (*Bharatiya Nyaya (Second) Sanhita Bill 2023 (BNS2)*) только в 2023 г.¹ При этом в уголовном законодательстве Индии и Пакистана имплементация норм документов ШОС потребует существенно большей активности в силу двойственного (статутно-precedентного, «симбиотического») характера уголовно-правового регулирования в Индии и Пакистане. В таком случае потребуется существенно более длительный период времени для того, чтобы в полной мере осуществить имплементацию норм документов ШОС в национальные правовые системы данных государств. В этом контексте серьезная научная проблема возникает в связи с тем, что изначально нормы документов ШОС разрабатывались странами с правовыми системами с безусловным доминированием нормативного правового акта (даже в случае КНР, где социалистическая правовая система не является чужеродной для статутного регулирования). В связи с этим крайне значим научный анализ постепенного приведения не только законодательства, но и правоприменительной практики данных государств в соответствие с нормами документов ШОС. С учетом

того, что изменения нормативных правовых актов данных стран произошли сравнительно недавно (в 2023–2024 гг.), вопрос анализа изменения правоприменительной практики будет актуализирован в контексте появляющихся новых научных данных в последующие годы.

При этом стоит отметить, что такого нельзя сказать о Республике Беларусь, которая хотя и присоединилась к ШОС лишь в 2024 г., имеет уголовное законодательство, которое длительное время развивалось параллельно уголовному законодательству России. И в этом плане, очевидно, в целом когерентно тем нормам и документам ШОС, которые установили обязательства государств, требующие изменений их уголовного закона.

Выводы

Итак, следует констатировать факт того, что государства – члены ШОС демонстрируют стремление к поступательному приведению собственного уголовного законодательства к требованию документов ШОС, притом осуществляют такое изменение с разной скоростью, в связи как с субъективными (например, готовностью национального законодателя к полномасштабному введению правил ШОС в части противодействия экстремизму), так и объективными факторами, среди которых различное время вступления данных государств в ШОС (и, как следствие, догоняющая стратегия изменения законодательства отдельных стран) и специфика самой правовой системы, которая в условиях «симбиотического» характера уголовного законодательства требует существенно больших действий, направленных на имплементацию норм и принципов документов ШОС по сравнению со странами, где доминирует статутное уголовное право.

Важным аспектом, помимо прочего, является и то, что процессы в ШОС протекают достаточно стремительно в том числе и в контексте изменения антиэкстремистской повестки. Только в 2025 г. на очередном саммите ШОС было принято решение о создании новых форматов взаимодействия, связанных в том числе и с противодействием противоправным действиям. Речь идет об учреждении Центра комплексного реагирования на угрозы и вызовы безопасности, в функции которого (в случае, конечно, если учреждающий международно-правовой документ будет ратифицирован) входит в том числе деятельность по координации правоохранительных органов стран – членов ШОС в области

¹ *Bharatiya Nyaya Sanhita*, 2023. URL: <https://www.freelaw.in/legalarticles/Bharatiya-Nyaya-Sanhita-2023> (дата обращения: 26.08.2025).

терроризма и экстремизма. В таком случае очевидно, что страны – члены ШОС и в дальнейшем будут идти путем постепенного изменения собственного уголовного законодательства в части регулирования ответственности за действия в сфере экстремизма, а также осуществлять комплексную имплементацию соответствующих международно-правовых норм в свою право-применительную практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Е. А. Методология и методы сравнительно-правовых исследований (на примере деятельности судебной власти) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 2. С. 3–12.
 2. Бешукова З. М. Сравнительно-правовой анализ законодательства государств - участников СНГ об ответственности за экстремизм // Правоведение. 2014. № 3. С. 133–142.
 3. Гуляев Д. Е. Юридическая ответственность за осуществление экстремистской деятельности в Российской Федерации: проблемы и пути решения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 862–871.
 4. Кокошина З. А. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии терроризму и экстремизму на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика. 2017. № 4. С. 97–123.
 5. Колегова А. А. Ключевые сферы международного сотрудничества в рамках ШОС // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 6 (33). С. 160–169.
 6. Коломинов В. В. Криминалистическая профилактика преступлений экстремистской направленности, совершенных с помощью современных технологий // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2(101). С. 92–100.
 7. Лузянин С. Г. Шанхайская организация сотрудничества. 2013–2015. Прогнозы, сценарии и возможности развития. М. : ИДВ РАН, 2013. 120 с.
 8. Матвеев В. А. Российско-китайское взаимодействие в торгово-экономической, инвестиционной, энергетической и транспортной сферах ШОС // Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г.: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства / под ред. Е. И. Сафоновой. М. : ИДВ РАН, 2015. С. 90–102.
 9. Мельшина К. Ю. Шанхайская организация сотрудничества в противодействии экстремизму: новый уровень сотрудничества // Электронно-сетевое издание «Международно-правовой курьер». URL: <https://inter-legal.ru/shanhajskaya-organizatsiya-sotrudnichestva-v-protivodejstvii-ekstremizmu-novyy-uroven-sotrudnichestva-the-shanghai-cooperation-organization-in-combating-extremism-a-new-level-of-cooperation-2>, (дата обращения: 12.08.2025).
 10. Стародубцева М. А. Историко-правовые и сравнительные аспекты противодействия экстремизму // Российско-азиатский правовой журнал. 2023. № 1. С. 44–47.
 11. Юдичева С. А. Сравнительно-правовой аспект противодействия экстремизму // Вестник МУ им. С. Ю. Витте. Серия 1, Юридические науки. 2012. № 1. С. 43–48.
- REFERENCES**
1. Aägeva E.A. Metodologiya i metody sravnitelno-pravovykh issledovanij (na primere deyatelnosti sudebnoj vlasti) [Methodology and Methods of Comparative Legal Research (Based on the Activities of the Judiciary)]. Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo [Science. Society. State], 2024, vol. 12, no. 2, pp. 3-12. (in Russian)
 2. Beshukova Z.M. Sravnitelno-pravovoj analiz zakonodatelstva gosudarstv - uchastnikov SNG ob otvetstvennosti za ekstremizm [Comparative Legal Analysis of the Legislation of the CIS Member States on Liability for Extremism]. Pravovedenie [Jurisprudence], 2014, no. 3, pp. 133-142. (in Russian)
 3. Gulyaev D.E. Yuridicheskaya otvetstvennost za osushhestvenie ekstremistskoj deyatelnosti v Rossijskoj Federacii: problemy i puti resheniya [Legal Liability for Extremist Activity in the Russian Federation: Problems and Solutions]. Voprosy rossijskoj yusticji [Issues of Russian justice], 2020, no. 9, pp. 862-871. (in Russian)
 4. Kokoshina Z.A. Rol Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva v protivodejstvii terrorizmu i ekstremizmu na postsovetskom prostranstve [The Role of the Shanghai Cooperation Organization in Countering Terrorism and Extremism in the Post-Soviet Space]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25, Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Moscow University Bulletin. Series 25, International Relations and World Politics], 2017, no. 4, pp. 97-123. (in Russian)
 5. Kolegova A.A. Klyuchevye sfery mezhdunarodnogo sotrudnichestva v ramkakh ShOS [Key Areas of International Cooperation within the SCO]. Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO University Bulletin], 2013, no. 6 (33), pp. 160-169. (in Russian)
 6. Kolominov V.V. Kriminalisticheskaya profilaktika prestuplenij ekstremistskoj napravленnosti, sovershennyh s pomoshchyu sovremennykh texnologij [Forensic Prevention of Extremist Crimes Committed with the Help of Modern Technologies]. Sibirskij yuridicheskij vestnik [Siberian Law Bulletin], 2023, no. 2 (101), pp. 92-100. (in Russian)
 7. Luzyanin S.G. Shanhajskaya organizaciya sotrudnichestva. 2013-2015. Prognozy, scenarii i vozmozhnosti razvitiya [Shanghai Cooperation Organization. 2013-2015. Forecasts, Scenarios, and Development Possibilities]. Moscow, Institute of Far Eastern Studies RAS Publ., 2013, 120 p. (in Russian)
 8. Matveev V.A. Rossijsko-kitajskoe vzaimodejstvie v torgovo-ekonomicheskoy, investicionnoj, e`nergeticheskoy i transportnoj sferas ShOS [Russian-Chinese Interaction in the Trade, Economic, Investment, Energy, and Transport Spheres of the SCO]. Strategiya razvitiya Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva do 2025 g.: ixodnye realii i faktor rossijsko-kitajskogo partnerstva [The Shanghai Cooperation Organization's Development Strategy to 2025: Initial Realities and the Factor of Russian-Chinese Partnership]. Ed. by E.I. Safronova. Moscow, Institute of Far Eastern Studies RAS Publ., 2015, pp. 90-102. (in Russian)
 9. Melshina K.Yu. Shanhajskaya organizaciya sotrudnichestva v protivodejstvii ekstremizmu: novyy uroven sotrudnichestva [Shanghai Cooperation Organization in Countering Extremism: A New Level of Cooperation]. Mezhdunarodno-pravovoj kurier [International legal courier]. Available at: [https://inter-legal.ru/shanhajskaya-organizatsiya-sotрудничества-в-противодействии-экстремизму-новый-уровень-сотрудничества-the-shanghai-cooperation-organization-in-combating-extremism-a-new-level-of-cooperation-2](https://inter-legal.ru/shanhajskaya-organizatsiya-sotrudnichestva-v-protivodejstvii-ekstremizmu-novyy-uroven-sotrudnichestva-the-shanghai-cooperation-organization-in-combating-extremism-a-new-level-of-cooperation-2), (accessed: 12.08.2025) (in Russian)
 10. Starodubceva M.A. Istoriko-pravovye i sravnitelnye aspekty protivodejstviya ekstremizmu [Historical, legal and comparative aspects of countering extremism]. Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal [Russian-Asian Legal Journal], 2023, no. 1, pp. 44-47. (in Russian)
 11. Yudicheva S.A. Sravnitelno-pravovoj aspekt protivodejstviya ekstremizmu [Comparative legal aspect of counteracting extremism]. Vestnik MU im. S.Yu. Witte. Seriya 1. Juridicheskie nauki [Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 1, Legal Sciences], 2012, no. 1, pp. 43-48. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 19.11.2025

Received on 10.06.2025; approved on 20.08.2025; accepted for publication on 19.11.2025

Ардашев Роман Георгиевич – доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1); начальник кафедры философии и социально-гуманистических дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России (664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110), ORCID: 0000-0002-2286-8711, РИНЦ Author ID: 868414, e-mail: ardashevrg@yandex.ru

Ardashev Roman Georgievich – Doctor of Philosophy, Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Department of Public and Municipal Administration, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation); Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (110, Lermontov st., Irkutsk, 664074, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-2286-8711, RSCI Author ID: 868414, e-mail: ardashevrg@yandex.ru

Тирских Максим Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), ORCID: 0000-0003-2434-6324, РИНЦ Author ID: 451123, Researcher ID: G-5674-2018, e-mail: tirskm@mail.ru

Tirskikh Maksim Gennadievich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law and Comparative Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0003-2434-6324, Researcher ID: G-5674-2018, RSCI Author ID: 451123, e-mail: tirskm@mail.ru

Шамурзаев Таалайбек Турсунович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина (Республика Кыргызстан, 720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44), РИНЦ Author ID: 880710, e-mail: e-mail: taalha@mail.ru

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B. N. Yeltsin (44, Kyiv st., Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic), RSCI Author ID: 880710, e-mail: e-mail: taalha@mail.ru

Вклад авторов

Ардашев Роман Георгиевич – разработка концептуальных аспектов импликации и имплементации международно-правовых норм документов ШОС в национальном уголовном праве стран – членов ШОС, а также определение влияния национального уголовного и административного права стран – членов ШОС на развитие международно-правового регулирования противодействия экстремизму в рамках ШОС, работа с нормативными актами и методическими материалами, написание текста статьи.

Тирских Максим Геннадьевич – разработка концепции международно-правового регулирования взаимодействия государств – членов ШОС в области деятельности по противодействию экстремизма и потенциала дальнейшего регулирования, работа с нормативными актами и методическими материалами, написание текста статьи, редактирование статьи, утверждение окончательного варианта статьи.

Шамурзаев Таалайбек Турсунович – разработка концептуальных аспектов уголовно-правового регулирования отношений в области противодействия экстремизму в законодательстве государств – членов ШОС, работа с нормативными актами и методическими материалами, написание текста статьи.